12+

Фёдор Овчиников

12 подвигов Хунто

Фёдор Овчинников

12 подвигов Хунто

«Издательские решения»

Овчинников Ф.

12 подвигов Хунто / Ф. Овчинников — «Издательские решения»,

Маленький хомяк Хунто собирался всего лишь раздобыть немного еды и вернуться домой к обеду. Но случайность уносит героя и его подругу Лиру далеко от родного Алеппо — через моря, чужие города и опасные приключения.Впереди двенадцать подвигов, неожиданные знакомства, встречи с врагами и друзьями и долгий путь домой. Путь, на котором Хунто предстоит узнать, что некоторые вещи гораздо ценнее самых больших запасов зерна.

© Овчинников Ф.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Подвиг первый. Дом в огне 8
Подвиг второй. Пшеничное перемирие 20
Подвиг третий. До обеда и обратно 36
Конец ознакомительного фрагмента. 50

12 подвигов Хунто

Фёдор Овчинников

Моим детям.
Я придумал для вас так много сказок,
что прошу лишь об одном: приходите скорее.

«Самые долгие путешествия начинаются
с обещания вернуться к обеду».

© Фёдор Овчинников, 2026

ISBN 978-5-0071-7038-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Генуя, ноябрь 1613 года

К вечеру старая гавань постепенно затихала. Последние солнечные лучи скользили по черепичным крышам прибрежных домов, окрашивали в золотистый цвет каменные стены и терялись среди бесчисленных мачт торговых судов. На причалах ещё слышались крики грузчиков, скрип деревянных колёс и недовольная брань моряков, но дневная суета уже уступала место той особенной тишине, которая наступает в портовых городах после долгого и хлопотного дня.

Пахло морской солью, смолой, рыбой и пряностями, которые привозили сюда купцы из далёких стран. Над водой кружили чайки, время от времени затевая ожесточённые ссоры из-за какой-нибудь рыбьей головы. Птицы вообще отличались дурным нравом, хотя сами, разумеется, придерживались другого мнения.

Море было спокойно.

Лишь на западе, у самого горизонта, собирались тяжёлые тучи. Пока они казались незначительной неприятностью, которую вполне можно было оставить без внимания. А именно так обычно и начинаются неприятности побольше.

Из-за далёкого мыса показался корабль. Он возвращался из долгого плавания, и в его трюмах были и сундуки с золотом, и дорогие ткани, и мешки с восточными пряностями. Ветер наполнял паруса, капитан рассчитывал войти в гавань до заката, а матросы уже предвкушали горячий ужин и крепкий сон на берегу.

За приближением корабля наблюдал одинокий путник.

Он сидел на плоском камне немного в стороне от гавани и не обращал внимания ни на вечернюю прохладу, ни на крики чаек. В его облике было нечто необыкновенно суровое. Седина на висках, тёмные внимательные глаза, старый шрам над бровью — всё говорило о том, что жизнь не слишком его баловала. Да и сам он, по всей видимости, не принадлежал к числу тех, кто предпочитает проводить свои дни в спокойствии и праздности.

Впрочем, в последнее время путник всё чаще задумывался, не было ли это ошибкой. Он поправил маленький дорожный мешочек, лежавший рядом с ним, и задумчиво посмотрел на море. Незнакомец выглядел весьма внушительно.

Правда, заметить его с берега было бы затруднительно.

Наш герой был хомяком.

Его звали Хунто.

Он обладал густой чёрной шерстью, завидными усами и характером, который доставлял окружающим значительно больше хлопот, чем того можно было ожидать от столь небольшого животного. Особенно тяжело приходилось тем, кто пытался объяснить ему, что какое-нибудь дело совершенно невозможно.

Хунто терпеть не мог это слово.

Он вообще не любил, когда ему что-нибудь объясняли.

По хомячьим меркам наш герой был уже немолод. Он успел побывать в нескольких странах, пережить кораблекрушение, обзавестись верными друзьями и завести несколько весьма опасных знакомств, о которых предпочитал лишний раз не вспоминать.

Но сейчас Хунто размышлял совсем о другом.

Несколько дней назад он принял решение, которое могло стоить ему возвращения домой. Тогда оно показалось единственно правильным, хотя с тех пор у него было достаточно времени, чтобы в этом усомниться.

Он посмотрел на корабль, затем на низкие, быстро темнеющие облака.

С моря донёсся глухой раскат грома.

Ветер менялся.

Хунто знал этот признак. В одном из прежних плаваний такой же ветер принёс с собой немало бед. К тому времени он уже успел убедиться, что неприятности удивительным образом находят его даже в самую хорошую погоду.

Он медленно поднялся с камня, взвалил мешочек на плечо и направился к гавани. В мешочке лежали три сухих горошины, кусочек верёвки и небольшой камень, который Хунто подобрал исключительно потому, что тот показался ему полезным. Для чего именно — он пока не придумал, но и выбрасывать свои сокровища не собирался. Наш герой ещё не знал, что принесёт ему сегодняшний вечер. Впрочем, за его плечами уже было достаточно приключений, чтобы рассказать о них по порядку. Ведь история Хунто началась совсем не здесь.

Она началась далеко на востоке, в одном из самых шумных городов Сирии, под полом старого рыночного склада, среди мешков с зерном, ящиков с пряностями и совершенно неподходящих для маленьких хомяков обстоятельств.

А если быть совсем точным — с корзины имбиря.

Подвиг первый. Дом в огне

Алеппо, Сирия, весна — лето 1612 года

Имбиря в древнем городе Алеппо было предостаточно, но славился он далеко не одними пряностями. Здесь были высокие каменные стены, шумные базары, просторные дворы с фонтанами и узкие улочки, в которых даже самые опытные путники порой теряли дорогу. Со всех концов света сюда прибывали караваны, гружённые шёлком, драгоценными камнями, благовониями и пряностями. Купцы торговались с утра до вечера, погонщики бранились на верблюдов, ремесленники нахваливали свои товары, а покупатели старательно делали вид, что совершенно не заинтересованы в приобретении тех вещей, за которыми специально пришли на базар.

Алеппо был богатым городом. Во всяком случае, так считали его жители.

А вот многочисленная мелкая живность, обитавшая в подвалах, садах и на складах, придерживалась несколько иного мнения. Её благополучие зависело преимущественно от того, насколько щедро люди рассыпали зерно, как часто забывали закрывать кладовые и достаточно ли ленивы были местные кошки.

С последним обстоятельством дела обстояли особенно плохо.

В восточной части города, неподалёку от большого крытого рынка, стоял старый склад, принадлежавший торговцу по имени Леон. Здесь хранились мешки с пшеницей, корзины с сушёным инжиром, кувшины с оливковым маслом и множество других товаров, назначение которых было известно далеко не всем маленьким обитателям склада.

Особенно много вопросов вызывали пряности. Ни один здравомыслящий грызун не мог понять, зачем люди платят большие деньги за порошки, которыми невозможно насытиться, но от которых можно надолго лишиться способности различать запахи.

Впрочем, люди вообще обладали множеством странных привычек.

Под широким деревянным настилом, на котором хранились товары, располагалась небольшая нора. В ней проживала хомячиха с четырьмя детёнышами, среди которых младшего звали Хунто.

Его появление на свет сопровождалось происшествием, о котором мать впоследствии вспоминала значительно чаще, чем ему хотелось бы.

Дело было в том, что незадолго до рождения детей она устроила гнездо за большой корзиной с сушёным имбирём. Место казалось вполне подходящим: сухим, тёплым, защищённым от сквозняков и достаточно удалённым от любопытных соседей.

Однако в тот самый день, когда на свет появился Хунто, один из работников склада решил переставить корзину. Дальнейшие события произошли настолько быстро, что мать не успела даже как следует испугаться. Корзина накренилась, край гнезда осыпался, и новорождённый Хунто, ещё слепой и совершенно беспомощный, оказался среди пахучих корешков имбиря.

Мать немедленно вернула его обратно. На этом история могла бы закончиться, если бы не одно обстоятельство. С первых недель жизни Хунто оказался самым непоседливым из всех детёнышей. Казалось, происшествие с имбирём в первый день жизни определило дальнейшую судьбу нашего героя.

Едва научившись ходить, он принялся исследовать нору. Едва научившись бегать, попытался выбраться наружу. А когда мать впервые позволила детям самостоятельно собирать зёрна неподалёку от дома, Хунто исчез почти на целый день.

Его нашли за старой бочкой, где он пытался протащить через узкую щель сушёный финик.

Финик был немного больше самого Хунто.

Это обстоятельство нисколько его не смущало.

— Ты понимаешь, что мог погибнуть? — спросила мать, когда он наконец вернулся.

— От финика?

— От кошки! От человека! От чего угодно!

Хунто задумался.

— Но я ведь не погиб.

Ответ был настолько неопровержимым, что мать некоторое время молчала.

Потом она велела ему немедленно отправляться спать.

С тех пор отношения между Хунто и материнскими запретами складывались непросто.

К началу лета Хунто успел достаточно подрасти, чтобы считать себя совершенно взрослым. Остальные придерживались на этот счёт другого мнения, что приводило к частым разногласиям.

Он обладал густой чёрной шерстью, крепкими лапами и необыкновенно подвижными усами. Последние постоянно подрагивали, словно пытались узнать новости раньше своего владельца.

Больше всего на свете Хунто любил три вещи: хорошую еду, её запасы и возможность доказать, что окружающие ошибаются.

Порядок предпочтений менялся в зависимости от обстоятельств.

Например, когда кто-нибудь называл его маленьким, Хунто был готов забыть даже об обеде. А вот когда речь заходила о его запасах, он становился существом весьма несговорчивым.

Свою первую кладовую Хунто устроил под старой доской, на самом краю семейной норы. Однако братья и сёстры быстро обнаружили тайник, и вскоре из двенадцати тщательно отобранных пшеничных зёрен там осталось только четыре.

Хунто воспринял это как личное оскорбление.

Он заявил, что больше никогда никому не доверится, и принялся строить новую кладовую.

На этот раз тайник находился значительно дальше от дома.

За одним из деревянных столбов, поддерживавших настил, имелась узкая щель между камнями. Когда-то здесь, по всей видимости, проходила вода, но с годами проход забился землёй и песком. Хунто обнаружил его совершенно случайно и после нескольких дней упорной работы сумел прорыть ход вдоль стены.

Труд был нелёгким. Каменистая земля плохо поддавалась когтям, корешки сухой травы цеплялись за шерсть, а однажды на Хунто обрушился целый ком земли, из-за которого он едва не лишился любимого пшеничного зерна.

Но в конце концов проход был готов.

Он вёл от небольшой пустоты под настилом к щели у наружной стены склада, за которой начинался тихий задний двор.

Хунто был чрезвычайно доволен.

Теперь у него имелась собственная кладовая, отдельный выход на улицу и, что особенно приятно, полная независимость от братьев и сестёр.

Правда, мать, обнаружив новое сооружение, пришла в ужас.

— Зачем ты выкопал ещё одну нору?

— Это не нора. Это кладовая.

— А зачем кладовой выход во двор?

— На всякий случай.

— На какой ещё случай?

Хунто немного подумал.

— На подходящий.

Мать осмотрела проход, понюхала землю и обнаружила, что одна из стенок опасно осыпается.

— Ты завалишь весь настил.

— Не завалю.

— Или приведёшь сюда кошку.

— Кошка не пролезет.

— Или сам застрянешь.

— Не застряну.

— Хунто!

— Мама, я всё предусмотрел.

Всю его жизнь эта фраза не раз становилась предвестником всевозможных бедствий. В тот день мать заставила его укрепить проход и велела больше ничего не раскапывать без её разрешения.

Хунто согласился.

По крайней мере, он перестал копать, когда мать находилась поблизости.

Помимо хомячьего семейства, на складе обитали мыши, несколько крупных жуков, два старых таракана и одно весьма многочисленное общество муравьёв, которые считали себя единственными существами, способными поддерживать здесь настоящий порядок.

Мыши жили ближе к двери, под сложенными друг на друга корзинами. Они отличались осторожностью, проворством и удивительной способностью находить пищу там, где остальные не замечали ничего съедобного.

С одной из них Хунто был знаком.

Её звали Лира.

У Лиры была серая шерсть, большие круглые уши и неприятная, по мнению Хунто, привычка замечать очевидные недостатки его замыслов.

Познакомились они во время небольшого происшествия с мешком чечевицы.

Хунто тогда решил, что сумеет самостоятельно прогрызть в мешке отверстие и обеспечить себя продовольствием на долгие месяцы. Однако мешок оказался плохо завязан сверху. Стоило Хунто повредить нижний шов, как на него обрушился целый поток мелких твёрдых зёрен.

Лира наблюдала за происходящим с безопасного расстояния.

— Тебя засыплет, — предупредила она.

— Не засыплет.

Через мгновение Хунто исчез под чечевицей.

Лира помогла ему выбраться.

С тех пор они иногда встречались по вечерам возле старой бочки и обсуждали новости склада. Точнее, Лира рассказывала новости, а Хунто объяснял, как всё следовало сделать правильно.

Впрочем, с ним было интересно. Он знал множество тайных проходов, умел находить съедобное и обладал совершенно поразительной уверенностью в собственных силах. Лира никак не могла решить, является ли последнее достоинством или недостатком.

Однажды она прямо спросила его об этом.

— Ты когда-нибудь боишься?

Хунто, занятый очисткой особенно крупного зерна, поднял голову.

— Чего?

— Ну, например, кошек.

— Разумеется.

Лира удивилась.

— Правда?

— Конечно. Я же не дурак.

— А почему тогда постоянно лезешь туда, где опасно?

Хунто задумался. Вопрос оказался сложнее, чем он предполагал.

— Потому что иногда нужно, — ответил он наконец.

Лира хотела спросить, кому именно нужно, но Хунто уже вернулся к зерну, и разговор на этом закончился.

В тот вечер на складе было необыкновенно душно. Жаркий день подходил к концу, однако каменные стены ещё сохраняли накопленное тепло. Через открытые двери доносились голоса торговцев, ржание лошадей и звон металлических чаш, которыми пользовались для отмеривания зерна.

Хозяин склада вместе с двумя работниками пересчитывал привезённые товары, а Хунто находился в своей кладовой. Он только что обнаружил, что число запасённых им зёрен не совпадает с результатом вчерашнего подсчёта, и теперь пытался выяснить причину.

Тридцать одно зерно пшеницы.

Семь кусочков сушёного инжира.

Два ореха, один из которых был треснут.

И ещё небольшой запас чечевицы, точное количество которой Хунто давно перестал считать, потому что это занятие требовало необыкновенного терпения.

Он уже собрался проверить запасы второй раз, когда услышал за стеной тяжёлые шаги. Затем раздался глухой удар. Кто-то из работников выругался.

Хунто насторожился.

Люди часто роняли вещи, и в этом не было ничего необычного. Беда заключалась лишь в том, что даже самые незначительные человеческие происшествия могли оказаться для маленьких обитателей склада весьма серьёзными.

Послышался звон разбитой глины.

А затем Хунто почувствовал запах. Непривычный, горький, неприятно щекочущий нос. Он выбрался из кладовой и поднялся к щели между досками. В дальнем углу помещения горела охапка соломы.

Один из работников, переставляя тяжёлый ящик, задел низкую подставку с масляной лампой. Светильник опрокинулся, разбился, и пламя почти мгновенно охватило лежавшую рядом упаковочную солому. Работник бросился тушить огонь, а второй кинулся за водой. Хозяин же склада закричал так громко, что Хунто невольно пригнулся.

Пламя уже добралось до деревянного ящика. Хунто несколько мгновений наблюдал за ним с любопытством. Огонь он видел и прежде, но никогда так близко. Языки пламени двигались удивительно быстро, словно пытались ухватиться за всё, до чего могли дотянуться. Затем сверху посыпались искры.

Хунто отскочил.

— Мама! — крикнул он и бросился к норе.

Мать уже всё поняла.

Она выгоняла детей через запасной ход, ведущий к небольшой щели под наружной стеной.

— Быстрее! Не останавливайтесь! — командовала она. — И держитесь вместе!

Братья и сёстры Хунто один за другим исчезали в узком проходе.

— Где ты был? — спросила мать, заметив сына.

— В кладовой.

— Сейчас же наружу!

Хунто остановился.

— А мои запасы?

Мать посмотрела на него. В этом взгляде заключалось всё, что она думала о запасах в подобных обстоятельствах.

— Немедленно выходи!

— Но там тридцать одно зерно!

— Хунто!

Он хотел возразить, однако новый треск заставил обоих вздрогнуть.

Где-то наверху обрушилась полка.

Мать подтолкнула сына к выходу.

— Иди.

— А ты?

— Я проверю, все ли вышли.

Она исчезла в направлении соседних нор.

Хунто остался один.

Дым постепенно просачивался под настил. Пахло горелым деревом и маслом. Где-то над головой люди кричали, таскали воду, передвигали тяжёлые вещи.

Хунто посмотрел на выход. Потом на свою кладовую.

Решение было непростым. С одной стороны, мать совершенно определённо велела ему уходить. С другой — потерять все припасы, собранные таким трудом, казалось ему ужасной несправедливостью. Он решил, что успеет забрать хотя бы самое ценное. Подбежав к тайнику, Хунто начал торопливо набивать защёчные мешки зёрнами.

Вошло довольно много.

Он добавил кусочек инжира.

Затем второй.

После некоторого размышления попытался поместить туда ещё и орех, но быстро обнаружил, что даже самые замечательные хомячьи щёки имеют свои пределы.

Пришлось выбирать.

Именно в этот момент Хунто услышал крик.

Сначала он подумал, что это мать зовёт его снаружи.

Но звук повторился.

— Помогите!

Голос доносился с противоположной стороны склада, от корзин, под которыми жили мыши.

Хунто замер.

— Кто там?

— Хунто! Ты здесь?

Он узнал Лиру.

— Что случилось?

— Мы не можем выбраться!

Хунто посмотрел в сторону выхода.

Оттуда уже доносился голос матери.

— Хунто! Хунто, немедленно сюда!

Он сделал несколько шагов к ней.

Потом снова услышал Лиру.

— Здесь малыши! Корзина упала! Мы не можем её сдвинуть!

Хунто остановился.

Снаружи мать продолжала звать его.

Несколько мгновений он стоял неподвижно. Затем выплюнул орех, который так и не сумел пристроить к остальным припасам, и побежал в сторону мышиных гнёзд.

Пожар к тому времени охватил уже значительную часть склада. Пламя карабкалось по деревянным стойкам, перебегало с одной охапки соломы на другую и с треском пожирало сухие доски. Люди ещё пытались справиться с огнём, но дым сделался таким густым, что некоторые работники начали отступать к выходу. Под настилом становилось всё труднее дышать.

Хунто пробирался между камнями, стараясь держаться как можно ниже. Глаза слезились, в носу неприятно щипало. Он уже дважды сбивался с дороги. Наконец впереди показались перевёрнутые корзины. Одна из них, большая и тяжёлая, лежала вверх дном. Её край оказался прижат упавшим деревянным ящиком, а сама корзина плотно прилегала к каменному полу.

Изнутри доносились испуганные голоса.

— Лира!

— Я здесь!

Хунто подбежал к корзине. Сквозь плетёные стенки он различил несколько маленьких серых фигурок.

— Сколько вас?

— Трое. Я и два моих брата.

— А остальные?

— Успели убежать.

Хунто попробовал приподнять край корзины.

Ничего не вышло.

Он упёрся передними лапами в плетение, напрягся изо всех сил и толкнул снова.

Корзина не шелохнулась.

— Её придавило ящиком, — сообщила Лира.

— Я вижу.

— Ты её не поднимешь.

— Это мы ещё посмотрим.

Хунто навалился на корзину всем телом.

Результат оказался прежним.

Лира наблюдала за его безуспешными попытками.

— Я же сказала.

— Не мешай думать.

— Ты не думаешь. Ты толкаешь.

Хунто хотел ответить, но закашлялся. Сверху посыпались мелкие щепки. Где-то неподалёку с грохотом рухнуло что-то тяжёлое.

Огонь приближался.

Хунто обежал корзину.

Её стенки были сплетены из плотных растительных полос, скреплённых в нескольких местах тонким шнуром. Сама корзина была слишком тяжёлой, но шнур выглядел гораздо менее внушительно.

Хунто остановился.

— Лира! Видишь узел у нижнего края?

— Да.

— Попробуй его развязать.

— Он снаружи.

— Тогда тяни плетение изнутри. Я перегрызу шнур.

Лира немедленно принялась за дело.

Хунто вцепился зубами в крепкую нить.

Шнур оказался жёстким, пропитанным пылью и какой-то неприятной горечью. Хунто грыз его, останавливался, чтобы перевести дыхание, и снова принимался за работу.

Нить постепенно распускалась.

— Быстрее! — крикнула Лира.

— Я и так быстро!

— Дым идёт сюда!

Хунто почувствовал запах гари совсем рядом.

Он перегрыз последний прочный узел и дёрнул освободившийся конец шнура.

Плетение немного разошлось.

— Теперь тяни!

Лира изнутри ухватилась за выступающую полосу. Хунто тянул снаружи. Тонкая сухая лента с треском лопнула. В стенке корзины образовалась узкая щель.

— Вылезайте!

Первым протиснулся маленький мышонок. Он выскочил так быстро, что врезался прямо в Хунто.

— Осторожнее!

Второй застрял. Лира толкала его сзади, Хунто тянул за передние лапки. На мгновение показалось, что ничего не получится. Затем мышонок вывалился наружу, и все трое покатились по пыльному полу.

Последней выбралась Лира.

— Бежим!

Они бросились к ближайшему проходу. Но не успели преодолеть и половины расстояния, как сверху раздался страшный треск. Огромная деревянная полка, подточенная пламенем, накренилась и обрушилась прямо перед ними.

Пол содрогнулся.

Проход исчез под грудой обломков.

Один из мышат закричал.

Хунто отскочил, едва не угодив под тяжёлую доску. Теперь они оказались отрезаны от главного выхода. Сзади приближался огонь, а впереди лежали обломки.

— Что будем делать? — спросила Лира.

Хунто огляделся.

Он прекрасно понимал, что ответить необходимо немедленно.

К сожалению, ничего разумного ему в голову не приходило.

— Хунто?

Он посмотрел направо.

Потом налево.

Взгляд его остановился на деревянном столбе, поддерживавшем дальнюю часть настила. Хунто вдруг вспомнил свою кладовую. Вернее, вспомнил проход, который так долго и упорно прокапывал за ней. Тот самый, из-за которого мать однажды устроила ему ужасный нагоняй.

— За мной! — крикнул он.

— Куда?

— Я знаю другую дорогу!

Они побежали вдоль стены.

Дым становился гуще. Один из мышат спотыкался и почти не видел дороги. Лира подталкивала его сзади, а Хунто то и дело возвращался, чтобы убедиться, что никто не отстал.

Наконец они добрались до столба.

— Вот здесь!

Хунто нырнул в узкую щель между камнями. Лира последовала за ним. Первый мышонок протиснулся без труда, второй замешкался, испугавшись темноты.

— Там ничего нет! — крикнул он.

— Там выход! — ответил Хунто.

— Я не вижу!

— И я не вижу. Ползи!

В другое время Хунто непременно объяснил бы, сколько труда вложил в сооружение этого замечательного прохода. Сейчас, однако, обстоятельства не располагали к долгим разговорам.

Он двигался первым, на ощупь находя знакомые повороты. Проход постепенно сужался. В одном месте Хунто пришлось протискиваться между двумя камнями, расположенными так близко друг к другу, что он едва не застрял.

Тут и обнаружилась ещё одна неприятность. Его защёчные мешки по-прежнему были набиты зерном. В обычных обстоятельствах это было бы весьма приятно, но обстоятельства были необычными…

Хунто попробовал продвинуться вперёд. Безуспешно.

Сзади послышался голос Лиры.

— Что случилось?

— Ничего.

— Почему стоим?

— Сейчас.

Он попытался протиснуться ещё раз.

Щёки упёрлись в камни.

— Хунто!

— Да что?!

— Мы задыхаемся!

Хунто зажмурился.

Потом с величайшим сожалением вытолкнул из защёчных мешков почти все зёрна. Они рассыпались по земле. Хунто посмотрел на них: некоторые были особенно крупными, но времени собирать их уже не оставалось.

Он протиснулся между камнями и пополз дальше. Наконец впереди забрезжил свет. Узкий ход выходил к щели у самой земли, за которой начинался задний двор. Хунто выбрался наружу первым, и свежий воздух показался ему необыкновенно сладким.

Следом появилась Лира.

Потом один мышонок.

Второй.

Все четверо оказались в безопасности, и несколько мгновений никто не произносил ни слова. Затем Лира опустилась на землю и закрыла глаза.

Хунто тяжело дышал.

Он был весь в саже, шерсть на спине покрылась пылью, а один ус неприятно загнулся в сторону. Кроме того, он лишился почти всех своих запасов.

Последнее обстоятельство казалось ему особенно прискорбным. Между тем во дворе уже собрались остальные обитатели склада. Мыши жались к стене, жуки прятались под камнями, а два старых таракана, которые обычно придерживались совершенно противоположных мнений по любому вопросу, на этот раз единодушно утверждали, что давно предвидели подобное несчастье.

Неподалёку сидела мать Хунто.

Увидев сына, она бросилась к нему.

— Хунто!

Она прижала его к себе так крепко, что он едва смог вздохнуть.

— Где ты был?! Я думала, ты погиб!

— Я…

— Я велела тебе выходить!

— Да, но…

— Почему ты не послушался?!

Хунто опустил голову. Ответить было трудно. Рядом остановилась Лира с братьями.

— Он нас спас, — тихо сказала она.

Мать повернулась к ней.

Лира рассказала о корзине, обрушившейся полке и узком проходе, через который они сумели выбраться наружу.

Мать долго молчала, а потом снова посмотрела на сына.

Хунто ожидал похвалы.

Возможно, даже весьма торжественной.

Вместо этого мать осторожно осмотрела его лапы, уши и нос.

— Ты обжёгся?

— Нет.

— Ничего не болит?

— Нет.

— Дышать можешь?

— Конечно.

Она облегчённо вздохнула, а затем сердито сказала:

— Больше никогда так не делай.

Хунто растерялся.

— Но ведь…

— Никогда!

Он хотел возразить, что без него мышата остались бы в корзине. Что проход, который мать запрещала копать, оказался весьма полезным. Что вообще он проявил редкую находчивость и заслуживал несколько иного приёма.

Но, посмотрев на мать, промолчал.

Она всё ещё дрожала.

И Хунто впервые подумал, что, возможно, случившееся напугало её гораздо сильнее, чем его самого. Он осторожно прижался к ней. Мать ничего не сказала — только крепче обняла сына.

К ночи пожар удалось потушить. Люди залили водой остатки горевших досок, вынесли уцелевшие товары и заперли обугленную дверь склада. От прежнего благополучия не осталось почти ничего. Большая часть зерна была испорчена водой или огнём, деревянный настил местами провалился, а крыша над дальним помещением почернела от копоти.

Хомячья нора уцелела лишь частично, запасы семьи погибли. Всем животным пришлось искать временное убежище в соседнем саду, где среди корней старого гранатового дерева нашлось несколько подходящих укрытий.

Хунто сидел на плоском камне и разглядывал свои лапы.

Они были покрыты сажей.

Он уже пытался отмыть их, но без особенного успеха.

Рядом появилась Лира.

— Как ты? — спросила она.

— Хорошо.

— Уверен?

— Разумеется.

Она села рядом.

Они молча смотрели на обугленный склад. Над крышей ещё тянулись тонкие струйки дыма, и Лира не сразу решилась заговорить.

— Спасибо, — сказала наконец Лира.

Хунто пожал плечами.

— Пустяки.

— Ты мог не вернуться.

— Мог.

— Почему вернулся?

Он посмотрел на неё. Вопрос показался ему странным.

— Вы же там были.

Лира опустила глаза, словно снова увидела тесную корзину и дым, проникающий сквозь плетение. Потом тихо ответила:

— Да. Были.

Вдалеке раздалось мяуканье.

Оба немедленно насторожились. Однако кошка находилась где-то за стеной и, судя по всему, не собиралась появляться в саду.

Лира поднялась.

— Мне пора. Мама волнуется.

— Конечно.

Она сделала несколько шагов, потом обернулась.

— Хунто?

— Что?

— Хорошо, что ты выкопал тот проход.

Хунто выпрямился.

Наконец-то кто-то оценил его труд по достоинству.

— Я всегда говорил, что он пригодится.

— А твоя мама?

— Она придерживалась другого мнения.

— И что теперь?

Хунто задумался.

— Думаю, теперь она его пересмотрит.

Лира улыбнулась.

— Спокойной ночи.

— Спокойной.

Она скрылась среди корней, а Хунто ещё некоторое время сидел на камне, потом осторожно ощупал защёчные мешки. В одном из них обнаружилось одинокое пшеничное зерно, каким-то чудом уцелевшее во время всех сегодняшних происшествий.

Хунто достал его и долго рассматривал, но в конце концов он решил, что не станет его есть.

Во всяком случае, пока.

Неподалёку зашуршали листья: из темноты показался один из младших мышат, которых Хунто вытащил из-под корзины. Он остановился в нескольких шагах, не решаясь приблизиться.

— Ты чего? — спросил Хунто.

— Я голодный.

Хунто посмотрел на зерно.

Потом на мышонка.

Снова на зерно.

Весь день он рисковал жизнью, потерял почти все припасы, едва не задохнулся и теперь совершенно справедливо рассчитывал хотя бы немного подкрепиться.

С другой стороны, мышонок был совсем маленьким.

И выглядел очень несчастным.

Хунто вздохнул.

— Держи.

Мышонок осторожно взял зерно.

— Спасибо!

— Только не ешь сразу. Оно хорошее.

Мышонок кивнул и убежал.

Хунто проводил его взглядом.

Теперь у него не осталось ничего.

Он тяжело вздохнул ещё раз, устроился поудобнее и посмотрел на звёзды, проступавшие между ветвями гранатового дерева.

День был совершенно ужасным.

И всё-таки, если как следует подумать, кое-что хорошее ему сделать удалось: он спас троих мышей, отыскал дорогу через горящий склад и доказал, что его тайный проход был вовсе не такой глупой затеей, как утверждала мать. Жаль только, что за всё это ему никто не выдал даже маленького орешка.

Впрочем, наш герой ещё не знал, что уже завтра неприятности маленьких обитателей склада станут куда серьёзнее. Пожар уничтожил не только его собственные запасы — почти все соседи тоже остались без пищи. А голод, как известно, редко способствует добрососедским отношениям.

Особенно среди тех, кто привык запасать еду впрок.

И Хунто вскоре предстояло в этом убедиться.

Подвиг второй. Пшеничное перемирие

Алеппо, лето 1612 года

Убедиться в этом Хунто пришлось уже на следующее утро после пожара, когда жители старого склада обнаружили, что от прежней жизни у них осталось значительно меньше, чем казалось вечером.

Солнце поднялось над городскими крышами, и Алеппо снова наполнился привычными звуками. Торговцы открывали лавки, погонщики выводили на улицы навьюченных ослов, а со стороны большого рынка доносился нескончаемый гул человеческих голосов. Жизнь продолжалась, словно ничего особенного не произошло.

Для людей пожар на складе Леона был досадным происшествием, которое требовало подсчёта убытков, ремонта крыши и нескольких неприятных разговоров с работниками. Для маленьких обитателей склада он обернулся настоящим бедствием.

Прежде у них было всё необходимое: тёплые норы, надёжные укрытия и постоянный источник пищи, которую люди по неосторожности рассыпали на полу. Теперь большая часть запасов погибла, привычные проходы оказались завалены, а возвращаться в обгоревшее здание было опасно.

Особенно скверно обстояли дела с завтраком.

Хунто проснулся под корнями гранатового дерева, где его семья устроилась на ночь. Земля здесь была мягкой, пахла сыростью и опавшими листьями, но по сравнению с прежней норой новое жилище казалось ему чрезвычайно неудобным. Слишком много света, слишком мало места, а главное — совершенно негде было хранить припасы.

Впрочем, последнее обстоятельство пока не имело особенного значения.

Хранить было нечего.

Хунто потянулся, отряхнул с шерсти прилипшие травинки и выбрался наружу. У соседнего корня мать распределяла между детьми остатки еды, которые ей удалось найти после пожара.

Перед ней лежали шесть небольших кусочков сушёного гороха.

Хунто пересчитал их. Затем пересчитал братьев и сестёр.

Получилось не слишком обнадёживающе.

— А ты? — спросил он мать.

— Я уже поела.

Хунто недоверчиво посмотрел на неё. Он прекрасно знал эту интонацию и подозревал, что на самом деле мать ничего не ела.

— Когда?

— Чуть раньше.

— А что ты ела?

— Хунто, возьми свой горох.

Он взял кусочек, но есть не стал. С тех пор как вчера вечером отдал последнее зерно маленькому мышонку, желудок настойчиво напоминал ему о своём существовании, и Хунто полагал, что имеет полное право получить хотя бы приличный завтрак.

Однако при виде матери аппетит почему-то немного уменьшился.

Он подвинул к ней свою порцию.

— Возьми.

— Не нужно.

— Я не очень голоден.

Желудок Хунто немедленно выразил несогласие с этим утверждением.

Мать посмотрела на сына, потом на горох и едва заметно улыбнулась.

— Оставь себе. Ты ещё растёшь.

— Я уже вырос.

— Конечно, дорогой.

Хунто не любил, когда с ним разговаривали подобным тоном. Он уже собирался привести несколько убедительных доказательств собственной взрослости, но мать отвернулась к остальным детям, и спорить стало не с кем.

Он съел горох. Завтрак оказался возмутительно коротким.

К полудню выяснилось, что голодными были почти все.

Семья Лиры тоже потеряла свои запасы. Несколько полевых мышей, прежде живших у внешней стены склада, успели вынести немного чечевицы, но её едва хватало на один день. Даже старые тараканы, которые обычно отличались завидной способностью находить пищу где угодно, теперь бродили по саду с выражением крайнего недовольства. Впрочем, тараканы почти всегда выглядели недовольными.

У гранатового дерева собрались обитатели старого склада. Мыши, хомяки и несколько других обитателей склада расположились полукругом возле плоского камня, на который взобрался седой Ремо, старейшина местных мышей.

Ремо был весьма уважаемым существом. Он жил под складом столько, сколько себя помнил, и привык считать, что возраст предоставляет ему исключительное право говорить первым.

— Положение у нас тяжёлое, — начал он.

Собравшиеся молчали.

— Запасы уничтожены. Убежища разрушены. Возвращаться на склад нельзя, а значит, нам необходимо решить, где жить и чем питаться.

— Это мы и без тебя знаем, — заметил один из тараканов.

— Тогда, может быть, ты знаешь, где раздобыть еду?

Таракан признался, что пока не знает, но выразил уверенность, что при правильном руководстве вопрос можно было бы решить значительно быстрее. После этого он замолчал.

Ремо сообщил, что за утро разведчики обследовали несколько ближайших дворов. В одном удалось обнаружить горсть проса, рассыпанного возле курятника, но туда постоянно наведывалась кошка. В другом дворе был сарай, где хранились сушёные фрукты, однако двери оказались плотно заперты, а все щели были предусмотрительно заделаны.

— Есть ещё старый проход под пекарней, — сказал Ремо. — Но там живёт Гаспар.

При упоминании этого имени несколько мышей тревожно переглянулись.

Хунто прежде слышал о Гаспаре, хотя лично с ним знаком не был. Это был крупный бурый крыс, обитавший в подземелье соседнего здания. Говорили, что он владеет большой кладовой и никогда не позволяет чужакам приближаться к своим запасам.

— И что? — спросил Хунто.

— У него есть зерно, — ответил Ремо.

— Сколько?

— Никто точно не знает.

— Значит, нужно попросить.

Ремо вздохнул.

— Уже просили.

— И что он сказал?

— Что зерно принадлежит ему.

Хунто нахмурился. Он никак не мог понять, почему Гаспар отказывается поделиться зерном, когда остальные остались без еды.

— Но ведь мы голодные.

— Мы ему и об этом сообщили.

— И?

— Он ответил, что тоже не всегда ест досыта.

— Странный ответ, если у него полно зерна.

— Он говорит, что запасов хватит лишь на несколько дней.

Хунто возмущённо фыркнул.

— На несколько дней! А у нас не хватит даже до вечера!

— Именно поэтому я и собрал всех, — терпеливо произнёс Ремо. — Нужно решить, что делать дальше.

Началось обсуждение.

Мыши предлагали отправить разведчиков на дальний рынок, где торговали зерном и орехами. Жуки считали, что лучше переселиться к городским огородам. Один из тараканов предложил дождаться, пока люди восстановят склад, и был немедленно осмеян за чрезмерный оптимизм.

Хунто выслушал предложения и заявил:

— Я поговорю с Гаспаром.

Ремо покачал головой.

— Не думаю, что это поможет.

— Почему?

— Я уже с ним разговаривал.

— Значит, ты плохо разговаривал.

Лира, сидевшая неподалёку, закатила глаза. Она слишком хорошо знала, что обычно следовало за такими словами.

Пекарня находилась по другую сторону узкого переулка, отделявшего сад от соседнего двора. Это было приземистое каменное здание с небольшими окнами и широкой деревянной дверью, через которую постоянно входили и выходили люди.

По утрам здесь пахло свежим хлебом, а к вечеру — остывающей золой и дрожжами. Для мышей и крыс пекарня представляла немалый интерес, хотя её хозяин, к сожалению, придерживался противоположного мнения и старательно заделывал все обнаруженные норы.

Гаспар жил под старой кладовой, куда складывали мешки с мукой. К его жилищу вёл узкий ход, начинавшийся за полуразрушенным водосточным желобом.

Хунто отыскал проход довольно быстро, но уже у входа встретил двух молодых крыс, которые сидели по обе стороны узкой щели. Один был заметно крупнее Хунто, второй — ещё крупнее.

Это не произвело на него особенного впечатления.

— Мне нужен Гаспар, — объявил он.

Крысы переглянулись.

— Зачем?

— Поговорить.

— О чём?

— О зерне.

Первая крыса усмехнулась.

— Тогда тебе лучше поискать другого собеседника.

— Я не спрашивал совета.

Вторая крыса приподнялась и внимательно посмотрела на маленького чёрного хомяка.

— Ты из погорельцев?

— Из бывших жителей склада, — поправил Хунто.

— Какая разница?

— Существенная. Мы там жили задолго до пожара, а теперь…

— Хунто, — раздался за его спиной голос Лиры, — может, мы всё-таки попробуем разговаривать вежливо?

Он обернулся.

— Я и разговариваю вежливо.

Лира не стала спорить, хотя имела на этот счёт собственное мнение.

Из темноты послышался низкий голос:

— Пропустите их.

Крысы отступили. В глубине подземного прохода появился Гаспар.

Он был значительно старше своих сторожей, с бурой шерстью, седеющей возле ушей, и длинными усами, один из которых был заметно короче остальных. Правый глаз старого крыса прищуривался, придавая его морде выражение постоянного недоверия.

Гаспар внимательно осмотрел посетителей.

— Значит, вы пришли за зерном?

— Да, — ответил Хунто.

— А принесли что-нибудь взамен?

— Нет.

— Тогда разговор будет коротким.

Гаспар повернулся, собираясь уйти.

— Подожди! — воскликнул Хунто. — У нас семьи голодают!

Старый крыс остановился.

— У меня тоже есть семья.

— Но у тебя есть еда!

— Пока есть.

— И ты собираешься сидеть на ней, пока остальные будут умирать с голоду?

Гаспар медленно повернулся.

— Как тебя зовут?

— Хунто.

— Скажи мне, Хунто, ты когда-нибудь собирал запасы?

— Разумеется.

— Много?

— Достаточно.

— И где они теперь?

Хунто помрачнел.

— Сгорели.

— А мои не сгорели, потому что я хранил их далеко от огня. Неужели ты полагаешь, что это даёт тебе право забрать их у меня?

Вопрос застал Хунто врасплох. Он открыл рот, но не сразу нашёлся с ответом.

— Я не собираюсь ничего забирать, — произнёс он наконец. — Я прошу поделиться.

— А когда мои запасы кончатся, ты поделишься со мной?

Хунто нахмурился.

— Если у меня будет еда.

— Вот именно. Если будет.

Гаспар приблизился к нему.

— Вчера на складе случился пожар. Сегодня вы голодны. А что произойдёт завтра, никто не знает. У меня пятеро родственников, и двое из них слишком слабы, чтобы самостоятельно искать пищу. Если я раздам всё сейчас, чем стану кормить их через три дня?

— Можно найти ещё!

— Найди.

Хунто замолчал.

Гаспар продолжал смотреть на него без всякой злобы.

— Принеси зерно, и я помогу тебе собрать и сохранить его. А на мои запасы пока не рассчитывай: у меня самого есть кого кормить.

С этими словами он скрылся в темноте. Обе крысы снова заняли места возле входа. Хунто остался стоять перед входом, возмущённо шевеля усами. Ему хотелось высказать ещё несколько соображений о жадности, но Гаспар явно не собирался продолжать разговор. Пришлось отправляться обратно.

— Жадина, — объявил он, когда они с Лирой оказались достаточно далеко от пекарни.

— Не знаю, — осторожно ответила мышь.

— Как это не знаешь? Ты сама слышала!

— Слышала. Но он ведь не сказал, что совсем не хочет помогать.

— Потому что предложил мне найти еду самостоятельно!

— Он предложил помочь её собрать.

— Очень великодушно с его стороны!

Лира вздохнула.

— Хунто, ты ведь тоже не любишь, когда кто-нибудь трогает твои запасы.

— Это совершенно другое дело.

— Почему?

— Потому что мои запасы — это мои запасы.

Лира остановилась.

Хунто прошёл ещё несколько шагов, прежде чем заметил, что она больше не идёт рядом.

— Что?

— Ничего, — ответила Лира.

И, к величайшему раздражению Хунто, больше не произнесла ни слова.

После обеда жара стала почти невыносимой.

Люди попрятались под навесами, торговцы лениво обмахивались веерами, а уличные кошки растянулись в тени стен, не проявляя ни малейшего интереса к окружающему миру. Последнее обстоятельство доставило бы Хунто огромное удовольствие, если бы он не подозревал, что кошки способны просыпаться значительно быстрее, чем засыпать. Он бродил возле обгоревшего склада, обдумывая разговор с Гаспаром.

В глубине души Хунто понимал, что старый крыс не так уж неправ. Сам он ещё вчера считал тридцать одно зерно настоящим богатством и не собирался делиться им с кем попало. Но теперь всё изменилось: запасы погибли, вокруг голодали мыши, а где-то под пекарней лежало зерно, которое могло бы спасти положение.

Эта мысль казалась ему чрезвычайно несправедливой.

Хунто остановился у края двора и посмотрел на людей, разбиравших остатки сгоревшего склада. Работники Леона выносили уцелевшие товары, складывали обгоревшие доски в кучу и оттаскивали испорченные мешки. Некоторые из них были совершенно чёрными от копоти, другие промокли при тушении пожара, но встречались и такие, которые почти не пострадали.

Особенно заинтересовал Хунто большой мешок с пшеницей, лежавший у стены. Верхняя часть мешка уцелела, зато нижний угол почернел от огня. Когда двое работников подняли мешок, через обгоревшую ткань просыпалось несколько зёрен.

Хунто насторожился.

Люди погрузили мешок на небольшую тележку, запряжённую ослом. Колёса скрипнули, животное недовольно мотнуло головой, но тележка осталась стоять: работники отправились за остальным грузом. Хунто приблизился к узкой щели между камнями и стал наблюдать.

Мешок лежал на самом краю тележки. Его повреждённый угол свисал над деревянным бортом, и при каждом движении осла оттуда выпадало ещё несколько зёрен.

Хунто проследил взглядом дорогу, по которой тележке предстояло выехать со двора. Она проходила вдоль старой каменной стены, затем поворачивала в переулок у сада. Посреди дороги находилась глубокая выбоина, которую люди уже много лет собирались заделать, но всякий раз находили более важные занятия.

Хунто прекрасно знал эту выбоину. Он однажды едва не угодил в неё, перебегая дорогу перед человеческим сапогом. Если тележка проедет здесь, её обязательно тряхнёт. А если её тряхнёт…

Хунто медленно улыбнулся.

— Лира! — позвал он.

Ответа не последовало.

— Лира!

Из-за корня показалась серая мордочка.

— Что случилось?

— Кажется, я нашёл нам обед.

Лира посмотрела на тележку, затем на мешок и наконец на Хунто.

— Ты собираешься забраться туда?

— Нет.

Она заметно успокоилась.

— Тогда как?

— Мы подождём, пока еда сама попадёт нам в лапы.

План Хунто был прост, по крайней мере в его собственном представлении. Тележка должна была выехать со двора, проехать вдоль стены и попасть колесом в глубокую выбоину. Повреждённый мешок при этом наверняка сдвинется, и часть зерна просыплется на дорогу. Останется лишь собрать его.

Проблема заключалась в том, что движение на дороге было очень активным, а люди, к сожалению, не имели привычки внимательно смотреть себе под ноги. Но кое-что заинтересовало Хунто: возле выбоины находилась широкая водосточная канавка, уходившая под каменную стену. Она была почти полностью забита землёй, сухими листьями и мелким мусором, но узкий просвет всё ещё соединял улицу с соседним двором. Если расчистить его изнутри, можно будет собирать просыпавшееся зерно прямо из канавки, не выбегая под ноги прохожим.

Лира внимательно выслушала план.

— А откуда мы знаем, что зерно попадёт именно туда?

— Оно будет падать с тележки.

— Я вижу. Но часть останется на дороге.

— Значит, возьмём ту, которая попадёт в канавку.

— А если не попадёт ничего?

Хунто помолчал.

— Ты всегда задаёшь самые неприятные вопросы?

— Только когда они важные.

Он снова посмотрел на дорогу.

— Всё равно стоит попробовать.

Лира согласилась. Правда, она заметила, что расчистить проход вдвоём они вряд ли успеют, а если зерна окажется много, потребуется ещё несколько зверьков, чтобы перенести его в укрытие.

— Значит, позовём остальных, — решил Хунто.

— Всех?

— Конечно.

— И Гаспара?

Хунто поморщился.

Обращаться за помощью к старому крысу ему совершенно не хотелось.

Но Лира была права: проход под пекарней выходил к той самой водосточной канавке, которую предстояло расчистить. Если Гаспар разрешит воспользоваться им, работа пойдёт гораздо быстрее.

Впрочем, именно это обстоятельство и делало предстоящее обращение особенно неприятным.

Гаспар выслушал предложение молча. Когда Хунто закончил, старый крыс подошёл к выходу и посмотрел на тележку, стоявшую у обгоревшего склада.

— Мешок действительно повреждён, — признал он.

— Я же говорю!

— Но вы не знаете, сколько зерна просыплется.

— Достаточно.

— Для кого достаточно?

Хунто раздражённо шевельнул усами.

— Для всех!

Гаспар покачал головой.

— Ты даже не знаешь, сколько нас.

— Зато знаю, что все голодные.

— Это не одно и то же.

Гаспар обдумал предложение и произнёс:

— Хорошо. Я открою проход. Мои родственники помогут расчистить канавку и перенести зерно, если его удастся собрать.

Хунто облегчённо вздохнул.

— Отлично!

— Но сначала мы договоримся, как его разделить.

— Разумеется. Поровну.

Гаспар прищурился.

— Поровну между кем?

— Между всеми, кто будет работать.

— А старики? А маленькие дети?

— Ну… им тоже дадим.

— Сколько?

Хунто начал терять терпение.

— Да какая разница? Сначала соберём, потом решим!

— Нет, — твёрдо сказал Гаспар. — Сначала решим, потом соберём.

— Но мы потеряем время!

— Зато потом не будем драться из-за еды.

Лира, до сих пор молчавшая, вмешалась:

— Давайте хотя бы договоримся, что сперва накормим тех, кто не может добывать пищу сам. А остальное разделим между семьями.

Гаспар посмотрел на неё с заметным одобрением.

— Разумно. Только семьи у нас разные.

— Значит, сначала узнаем, сколько в каждой голодных, — предложила Лира.

Хунто вздохнул.

Ему казалось совершенно невероятным, что ради нескольких рассыпанных зёрен требуется устраивать столь продолжительное совещание. Однако спорить было бесполезно. Вскоре они условились, что собранная пища будет разделена между участвующими семьями с учётом их нужд, а часть оставят на общий запас для тех, кто не сумеет прийти на сбор.

Гаспар согласился предоставить проход и помощь своих родственников. Хунто же пообещал проследить, чтобы никто не взял больше положенного. Это была весьма ответственная должность, и он немедленно назначил на неё самого себя.

Работа почти сразу закипела. Несколько мышей пробрались под стену со стороны сада и принялись вытаскивать из канавки сухие листья. Две молодые крысы, которых Хунто уже встречал у жилища Гаспара, расширяли проход изнутри, выталкивая наружу комья земли и мелкие камни. Сам Хунто руководил расчисткой наиболее узкого участка.

По крайней мере, он так считал.

Остальным представлялось, что он преимущественно мешает работать, поскольку постоянно предлагал передвигать одни и те же камни в разные стороны.

— Этот сюда, — командовал он.

— Он не пролезет, — отвечала Лира.

— Тогда поверните.

— Мы уже повернули.

— В другую сторону.

Камень сдвинули, но проход стал ещё уже.

Хунто задумался.

— Верните обратно.

Один из молодых крыс посмотрел на Лиру.

— Он всегда такой?

— Обычно хуже, — ответила она.

К счастью, работа всё же продвигалась. Под слоем сухих листьев обнаружился старый водосток, сложенный из плоских камней, между которыми оставались достаточно широкие щели. Когда-то по нему стекала дождевая вода, но теперь он почти пересох и постепенно заполнился мусором.

К тому времени, как люди начали запрягать осла, проход был расчищен настолько, что по нему могли свободно передвигаться мыши и небольшие крысы.

Хунто осмотрел результат и остался доволен.

— Видите? Я же говорил, что получится.

— Ты говорил, что нужно передвинуть камень, который мы потом полчаса возвращали на место, — заметила Лира.

— Главное, что мы его вернули.

Возразить на это было трудно.

Впереди послышался скрип колёс, и все немедленно замолчали: тележка тронулась. Осёл шёл медленно, покачивая длинными ушами и время от времени останавливаясь, чтобы выразить своё неудовольствие тяжёлой ношей. Возница понукал его, щёлкал языком и дёргал поводья, но животное, по всей видимости, считало, что работа никуда не денется и торопиться совершенно незачем.

Тележка приближалась к повороту.

Хунто устроился за камнем у входа в водосток. Отсюда он мог видеть дорогу, оставаясь незаметным для людей. Лира находилась рядом.

— Ну? — шепнула она.

— Сейчас.

Колёса скрипели всё громче. Осёл остановился. Возница раздражённо прикрикнул на него.

Хунто затаил дыхание.

Животное сделало ещё несколько шагов, и переднее колесо тележки наконец угодило в выбоину.

Раздался глухой удар.

Мешки качнулись, повреждённый угол одного из них зацепился за выступающую доску, и ткань с треском разошлась.

На дорогу посыпалась пшеница.

Хунто едва удержался от радостного крика.

Зёрна прыгали по камням, раскатывались в стороны, исчезали в щелях между плитами. Часть действительно попала в водосточную канавку и покатилась вниз, к расчищенному проходу.

— Пошли! — прошептал он.

Мыши немедленно принялись собирать зерно. Они подхватывали зёрна, переносили их в зубах и передавали друг другу, быстро исчезая в безопасном ходе под стеной.

Хунто работал с величайшим усердием. Ему давно не приходилось видеть столько еды одновременно. Пшеница сыпалась ещё некоторое время, пока возница не заметил повреждённый мешок и не остановил тележку.

Человек спрыгнул на землю, огляделся, увидел рассыпавшееся зерно и произнёс несколько слов, которые явно не предназначались для посторонних ушей. Затем он подозвал другого работника, и оба принялись завязывать порванный угол.

Хунто прижался к камню.

Совсем рядом с ним опустилась огромная человеческая рука. Пальцы собрали горсть пшеницы и высыпали обратно в мешок. Потом ещё одну.

Хунто не шевелился.

Он чувствовал запах человеческой кожи, пыли и пота, видел широкие ногти и тёмные складки на ладони. Стоило человеку чуть сдвинуть руку, и маленький хомяк мог оказаться раздавленным прежде, чем успел бы даже вскрикнуть.

Наконец работник поднялся, а Хунто облегчённо выдохнул.

Тележка снова тронулась, но на дороге осталось ещё немало зерна.

— Быстрее! — позвал Хунто остальных.

Мыши и крысы продолжили сбор. Зёрна исчезали в подземном проходе одно за другим, и вскоре возле входа образовалась небольшая куча, которую предстояло перенести в укрытие. Хунто уже начал прикидывать, на сколько дней хватит добычи, когда Лира вдруг насторожилась.

— Хунто.

— Что?

— Посмотри туда.

Из-за поворота появилась кошка.

Она была белой, с серыми пятнами на спине и длинным хвостом, который плавно покачивался при ходьбе. По всей видимости, кошка возвращалась с рынка, где провела утро в поисках объедков и подходящего места для сна.

При виде мышей возле канавки она остановилась.

Хунто немедленно нырнул за камень.

— Все в проход! — прошипела Лира.

Большинство зверьков успели скрыться под стеной.

Но один молодой крыс, увлечённый сбором зёрен, оказался слишком далеко от укрытия.

Кошка присела. Её хвост замер.

— Назад! — крикнул Хунто.

Крыс обернулся и бросился к водостоку.

Кошка прыгнула.

Она приземлилась там, где он находился мгновение назад, и тот едва успел проскользнуть между камнями.

Хунто почувствовал, как над его головой пронеслась огромная белая лапа.

Кошка сунула морду в щель, недовольно фыркнула и попыталась просунуть туда лапу. Когти заскребли по камням, но проход оказался слишком узким. Некоторое время она ещё пыталась достать спрятавшихся зверьков, затем потеряла интерес и уселась возле стены — прямо напротив выхода.

Хунто осторожно выглянул из темноты.

Кошка облизнулась, и он немедленно спрятался обратно.

— Прекрасно, — пробормотал он.

— Что? — спросила Лира.

— Теперь у нас ещё и сторож появился.

Зёрна уже собрали в небольшие кучки, но вынести их в сад мешала кошка, расположившаяся у самого выхода. Она не проявляла особенного беспокойства и даже начала умываться, что не помешало ей мгновенно насторожиться, когда один из мышат случайно задел камень.

Хунто предложил дождаться, пока кошка уйдёт, однако время шло, а белая хищница, по всей видимости, нашла новое место весьма удобным.

— Надо что-то делать, — сказал Хунто.

— Лучше подождать, — ответил Гаспар.

Старый крыс пришёл проверить работу и теперь внимательно осматривал собранное зерно.

— Она может просидеть там до вечера, — возразил Хунто.

— Может.

— А мы здесь до вечера будем сидеть?

— Если понадобится.

Хунто раздражённо вздохнул.

Он уже начал подумывать, не попробовать ли пробежать мимо кошки, когда Лира неожиданно спросила:

— А куда ведёт второй проход?

Гаспар посмотрел на неё.

— Какой?

— Тот, который начинается за твоей кладовой.

Старый крыс нахмурился.

— Откуда ты о нём знаешь?

— Видела, когда мы приходили утром.

Хунто немедленно заинтересовался.

— У тебя есть ещё один выход?

— Есть.

— И ты молчал?!

— Ты не спрашивал.

Хунто открыл рот, но и на сей раз не нашёлся с ответом. Спорить с Гаспаром было трудно. Старый крыс объяснил, что второй ход проходит под полом пекарни и выходит в небольшой внутренний двор, откуда можно попасть в сад через старую каменную ограду.

— Тогда переносим зерно туда! — объявил Хунто.

— Нет, — ответил Гаспар.

— Почему?!

— Потому что этот проход ведёт прямо мимо моей кладовой.

— И что?

Старый крыс посмотрел на него.

— Я не хочу, чтобы каждый житель вашего сада знал дорогу к моим запасам.

Хунто возмущённо затопал лапами.

— Мы только что собрали зерно для всех!

— Верно.

— Ты сам обещал помогать!

— И помогаю.

— Так открой проход!

Гаспар молчал.

Хунто уже собирался высказать всё, что думал о старых крысах и их кладовых, но неожиданно остановился. Он вспомнил собственный тайник, тридцать одно зерно пшеницы, семь кусочков инжира, два ореха и то, как сердился, когда братья и сёстры находили его припасы.

— Хорошо, — сказал он после некоторого размышления. — Тогда пусть через твой проход ходят только твои родственники. Мы передадим им зерно здесь, а они вынесут его в сад. Никому из посторонних не придётся приближаться к твоей кладовой.

Гаспар прищурился.

— Значит, вы отдадите нам всё зерно и будете ждать на другой стороне?

— Именно.

— И поверите, что мы ничего не оставим себе?

Хунто замялся. Об этом он как-то не подумал.

— А ведь он прав, — послышался голос одной из мышей. — Откуда мы знаем, что нам вернут нашу еду?

Несколько зверьков согласно зашептались. В узком проходе стало неспокойно, и даже Лира посмотрела на Хунто с сомнением.

— Зерно общее, — заметила она. — Ты не можешь решать за всех.

Хунто почувствовал, как у него неприятно загорелись уши. Всего несколько часов назад он называл Гаспара жадиной, а теперь предлагал доверить ему всё, ради чего они столько трудились.

— Тогда пусть каждый решает сам, — произнёс он наконец. — Можно сидеть здесь до ночи и надеяться, что кошка уйдёт. А можно передать зерно Гаспару. Я выбираю второе.

— Почему? — спросил один из молодых мышат.

Хунто посмотрел на старого крыса.

— Потому что утром он мог просто закрыть перед нами дверь. Но вместо этого разрешил пользоваться своим проходом и прислал родственников помогать нам. Если бы он хотел оставить нас без еды, зачем ему было всё это делать?

Гаспар молчал. Кажется, подобного ответа он не ожидал.

— А если ты ошибаешься? — тихо спросила Лира.

— Тогда завтра мне придётся искать зерно заново, — ответил Хунто. — И придумывать, что сказать остальным.

— Вот это будет непросто, — заметила она.

— Знаю.

У выхода по-прежнему караулила кошка, и это обстоятельство оказалось убедительнее самых долгих споров. Наконец один из молодых крыс согласился передать свою ношу родственникам Гаспара, затем к нему присоединились две мыши, а вскоре и остальные решили, что рискнуть всё-таки разумнее, чем оставаться возле кошки.

Гаспар медленно кивнул.

— Хорошо. Мои родственники перенесут зерно через кладовую, а вы пока останетесь здесь, в безопасности. Когда кошка уйдёт, сможете вернуться в сад. Я сам прослежу, чтобы не пропало ни одного зерна.

— Договорились, — сказал Хунто.

Гаспар смерил его внимательным взглядом и неожиданно спросил:

— Ты всегда так долго приходишь к простым решениям?

Хунто оскорблённо выпрямился.

— Я вообще-то придумал весь этот план!

— Именно поэтому я и спрашиваю.

Лира поспешно отвернулась, чтобы Хунто не заметил её улыбку.

Ближе к вечеру кошке наконец наскучило караулить водосток. Она лениво поднялась, потянулась и отправилась по своим делам, позволив зверькам выбраться из укрытия. Зерно наконец удалось перенести. Оно оказалось не таким уж богатством, как представлялось Хунто в первые минуты после удачной находки, но всё же его было достаточно, чтобы обеспечить пищей несколько семей на ближайшие дни. Собравшиеся в саду зверьки окружили небольшие кучки пшеницы с таким вниманием, словно перед ними лежали настоящие сокровища.

Для них, впрочем, так оно и было.

Ремо принялся пересчитывать зёрна, но вскоре сбился и попросил Лиру помочь. Он обладал немалым жизненным опытом, однако его арифметические способности оставляли желать лучшего. Когда подсчёт наконец закончился, выяснилось, что добычи хватит на несколько дней весьма скромного питания.

Хунто был разочарован. Ему казалось, что они собрали значительно больше, а теперь выяснялось, что несколько часов опасной работы обеспечили им лишь короткую передышку.

Гаспар, напротив, выглядел довольным.

— Хорошее начало, — заметил он.

— Начало чего? — спросил Хунто.

— Поисков еды.

— А я думал, мы уже всё нашли.

Старый крыс посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Ты полагал, что этого хватит навсегда?

Хунто вынужден был признать, что об этом он как-то не подумал. Но размышлять было некогда — началось распределение пищи.

В соответствии с достигнутой договорённостью прежде всего выделили порции маленьким детям, больным и тем, кто не мог самостоятельно искать еду. Затем зерно разделили между остальными семьями, а небольшую часть оставили в общем запасе.

Разумеется, обойтись без споров не удалось.

Один из тараканов заявил, что ему полагается двойная порция, поскольку он обладает двумя длинными усами, которые требуют дополнительного питания. Другой таракан немедленно заметил, что у него усов тоже два, но первый, по его мнению, пользовался ими совершенно неправильно.

Хунто отказался обсуждать этот вопрос.

Особенно бурное возмущение вызвало предложение одного из молодых крыс оставить часть зерна тем, кто работал больше остальных. Некоторые мыши сочли это несправедливым, поскольку их лапы были меньше, а следовательно, им приходилось трудиться гораздо дольше, чтобы перенести такое же количество пищи.

Спор мог продолжаться до ночи, если бы Гаспар не объявил, что будет придерживаться первоначальной договорённости.

— Иначе завтра никто никому не поверит, — сказал он.

Хунто, несмотря на всё своё недоверие к старому крысу, вынужден был согласиться. Когда распределение закончилось, он получил свою порцию и с удовольствием принялся пересчитывать зёрна.

Получилось одиннадцать.

Неплохо.

Хотя, конечно, двенадцать было бы лучше.

Он уже собирался спрятать добычу под ближайшим корнем, когда заметил Гаспара. Старый крыс сидел немного в стороне и наблюдал, как двое его молодых родственников уносят зерно в сторону пекарни. Хунто подошёл к нему.

— Слушай, — начал он.

Гаспар повернул голову.

— Что?

— Я хотел сказать…

Хунто замолчал. Он совершенно не привык начинать разговор подобным образом.

— Ну? — спросил старый крыс.

— Возможно, утром я был не совсем прав.

Гаспар некоторое время смотрел на него.

— Не совсем?

Хунто поморщился.

— Хорошо. Я был неправ.

— Насчёт чего?

— Насчёт твоих запасов.

Старый крыс кивнул.

— Я понял.

Хунто ожидал, что сейчас последует длинная речь о разумной предусмотрительности, необходимости беречь припасы и пользе хороших решений. Он уже заранее приготовился её не слушать.

Но Гаспар ничего не сказал. Лишь спустя некоторое время заметил:

— Ты ведь сегодня мог просто уйти домой со своим зерном.

Хунто пожал плечами.

— Мог.

— Но остался помогать остальным.

— Ну да.

— Почему?

Хунто немного подумал.

— Потому что мы вместе его добыли.

Гаспар кивнул, словно услышал именно тот ответ, которого ожидал.

— Вот видишь. Иногда зерно принадлежит тебе, а иногда — всем, кто помог его собрать. Главное, не перепутать.

Хунто задумчиво посмотрел на свои одиннадцать зёрен. Он не был уверен, что до конца понял старого крыса. Впрочем, тот и сам больше ничего объяснять не стал.

Когда солнце скрылось за городскими крышами, сад наполнился прохладой. Пахло влажной землёй, свежими листьями и далёким дымом вечерних очагов. Где-то за стеной стрекотали насекомые, в ветвях гранатового дерева тихо шуршал ветер, а маленькие обитатели сада постепенно расходились по временным убежищам.

Хунто сидел у корня, аккуратно раскладывая свою долю добычи.

Одиннадцать зёрен. Он пересчитал их ещё раз. Затем ещё. Число оставалось прежним, что несколько разочаровывало.

Рядом появилась мать.

— Ну как прошёл день?

— Неплохо.

Она посмотрела на зерно.

— Вижу.

— Мы нашли еду.

— Мне рассказали.

Хунто выпрямился.

— План был мой.

— Конечно.

— И проход расчистили.

— Знаю.

— И даже кошку обманули.

Мать насторожилась.

— Какую ещё кошку?

Хунто понял, что сказал лишнее.

— Обычную.

— Хунто!

— Мама, я всё предусмотрел.

Она закрыла глаза, ведь эта фраза никогда не вызывала у неё приятных воспоминаний. Хунто поспешил сменить тему.

— А ты знаешь, что Гаспар вовсе не такой жадный, как все говорят?

— Знаю.

Он удивился.

— Откуда?

— Я с ним разговаривала.

— Когда?

— Утром. Пока тебя не было.

Хунто нахмурился.

— И что он сказал?

— Что у него есть немного зерна, но он должен беречь его для своей семьи.

— Это он и мне говорил.

— Ещё он предложил дать нам часть запасов, если сегодня ничего не удастся найти.

Хунто замер.

— Правда?

— Да.

— Но мне он об этом не сказал!

Мать посмотрела на сына.

— Может быть, потому, что ты больше спорил с ним, чем слушал?

Хунто некоторое время молчал. Это было крайне неприятное предположение. Особенно потому, что в нём могла заключаться некоторая доля правды.

Мать осторожно погладила его по голове.

— Ты сегодня хорошо потрудился. А теперь поешь и ложись спать.

Она ушла к остальным детям, и Хунто остался один. Он долго смотрел на свои зёрна, размышляя о событиях прошедшего дня.

С одной стороны, всё закончилось благополучно. Еду удалось добыть, семьи получили свои порции, а старый Гаспар оказался не таким уж отвратительным существом, как предполагалось утром. С другой стороны, Хунто был вынужден признать, что некоторые его решения могли быть лучше. Особенно досадно было вспоминать, как он пытался передвинуть камень, который потом пришлось возвращать на место. Он решил больше никогда не повторять подобных ошибок. Во всяком случае, без крайней необходимости.

Наутро город снова проснулся под крики торговцев и звон ослиных колокольчиков.

Хунто поднялся раньше остальных и отправился проверить свою новую кладовую. Он устроил её в небольшой щели между корнями гранатового дерева, куда аккуратно перенёс оставшиеся зёрна. Запас был скромным, зато надёжно спрятанным.

Он уже собирался позавтракать, когда услышал голоса со стороны сада. Возле старой ограды остановились две незнакомые мыши. Они выглядели усталыми, запылёнными и, судя по тощим бокам, давно не ели как следует.

Одна из них что-то рассказывала Ремо. Хунто приблизился.

— Что случилось?

Ремо повернулся к нему.

— Они пришли с восточного рынка. Говорят, что скоро отправится большой караван к морю.

— К какому морю?

— К Средиземному.

Хунто навострил ушки. О море он слышал немало удивительных историй, но никогда его не видел. Говорили, что там вода простирается так далеко, что невозможно разглядеть противоположный берег, а люди строят огромные деревянные дома, которые плавают по волнам и перевозят товары из одной страны в другую. Сам Хунто находил подобные рассказы крайне сомнительными.

Особенно насчёт деревянных домов.

— И что? — спросил он.

— На караванном дворе полно зерна, — объяснил Ремо. — Купцы загружают мешки, кормят животных, готовят припасы. Говорят, там можно раздобыть еды на несколько недель.

Хунто задумчиво пошевелил усами.

Несколько недель. Это звучало значительно лучше одиннадцати зёрен.

— А далеко этот двор?

— У восточных ворот, довольно далеко отсюда.

— Значит, нужно сходить.

Ремо покачал головой.

— Там опасно. Много людей, лошадей, собак и кошек.

— Зато много еды.

— И чужаков. Никто не знает, какие звери живут под караванными складами.

Хунто посмотрел на незнакомых мышей.

— А вы там были?

Одна из них кивнула.

— Были.

— И как?

— Большое место. Шумное. Везде мешки, корзины, телеги. Мы едва не попали под копыта мула.

— А еда?

— Еда есть. Но добраться до неё непросто.

Хунто улыбнулся. Это обстоятельство не показалось ему особенно серьёзным. В конце концов, за последние два дня он успел выбраться из горящего склада, обмануть кошку и наладить отношения с самым упрямым крысом во всём квартале. По крайней мере, именно так он теперь представлял случившееся.

Ремо продолжал что-то рассказывать об опасностях большого караванного двора, но Хунто уже почти не слушал. Он смотрел на дорогу, уходившую между каменными стенами к восточной части города. Там, за шумными базарами и тесными улочками, начинался совсем другой мир. Мир, о котором он пока ничего не знал. И который, судя по всему, был полон возможностей.

Хунто задумчиво почесал ухо.

Потом посмотрел на свою кладовую.

Одиннадцать зёрен казались теперь совсем небольшим богатством. Впрочем, оставлять их без присмотра он не собирался. Куда бы ни отправился наш герой, некоторые привычки оставались при нём. И первой среди них была привычка никогда не уходить из дома с пустыми щеками.

Подвиг третий. До обеда и обратно

Алеппо — Александретта, лето 1612 года

Щеками Хунто дорожил почти так же, как собственными запасами, и теперь рассчитывал наполнить их на большом караванном дворе, о котором накануне рассказывали незнакомые мыши. Двор находился на восточной окраине Алеппо, где с раннего утра до позднего вечера царило оживление, способное привести в восторг любого торговца и совершенно измучить всякое другое существо. Здесь останавливались караваны из дальних стран. Купцы перегружали товары, погонщики меняли уставших животных, пополняли запасы воды и готовились к дальней дороге. Над просторной площадью возвышались длинные шеи верблюдов, между телегами сновали погонщики, а из открытых ворот то и дело доносились крики, ругань и звон колокольчиков.

Особенно много хлопот доставляли мулы, которые отличались завидным упрямством и весьма скверным отношением к чужим распоряжениям. Некоторые из них могли простоять посреди дороги целый час, отказываясь сдвинуться с места, хотя ещё несколько минут назад охотно шли в совершенно противоположную сторону.

Хунто, узнав об этой особенности, немедленно проникся к мулам уважением. Впрочем, в тот день его интересовали вовсе не они. Ранним утром Хунто объявил матери, что собирается исследовать караванный двор.

— Один? — спросила она.

— С Лирой.

— А Лира об этом знает?

Хунто несколько смутился.

— Я как раз собирался ей сказать.

Мать вздохнула.

— Ты хотя бы представляешь, насколько там опасно?

— Разумеется. Там много людей, лошадей, собак и кошек.

— И тебя это не останавливает?

— Я буду осторожен.

Мать посмотрела на него с тем выражением, которое обычно появлялось у неё при упоминании этого слова.

— Обещай, что вернёшься до вечера.

— До обеда, — уверенно ответил Хунто.

Он не имел ни малейшего представления, сколько времени займёт дорога, но считал, что чем раньше пообещает вернуться, тем меньше у матери будет причин для беспокойства. Перед уходом он взял из своей кладовой два особенно крупных зерна, осторожно спрятал их за щекой и отправился искать Лиру. Та обнаружилась у старой ограды, где помогала младшим братьям отыскивать подходящие сухие веточки для укрепления нового убежища.

— Пойдём на караванный двор, — предложил Хунто.

Лира отложила веточку.

— Сейчас?

— Конечно. Нужно же посмотреть, что там за запасы.

— А почему именно мы?

— Потому что остальные уже были и ничего не нашли.

— Они нашли еду. Просто не смогли до неё добраться.

— Вот именно! Значит, нам осталось решить самую интересную часть задачи.

Лира перевела взгляд с Хунто на братьев.

— Я обещала помочь им с убежищем.

— Мы скоро вернёмся.

— Насколько скоро?

— До обеда.

Лира задумалась. Хунто прекрасно знал, что она не любит принимать решения поспешно, особенно когда речь идёт о путешествии в незнакомое место, но на этот раз ожидание показалось ему совершенно невыносимым.

— Ну так что?

— Хорошо, — согласилась наконец мышка. — Только сначала закончим здесь.

Хунто хотел возразить, но вовремя сообразил, что спор способен задержать их гораздо сильнее, чем несколько сухих веточек.

Он остался помогать.

Правда, вскоре выяснилось, что представления Хунто о строительстве надёжного убежища несколько отличаются от представлений Лиры, и после третьей попытки протащить внутрь слишком большую ветку его вежливо попросили больше ничего не трогать.

Вскоре началось путешествие, которое, по расчётам Хунто, должно было закончиться к обеду. Дорога через город оказалась значительно длиннее, чем он предполагал. Им пришлось пересечь несколько оживлённых переулков, обойти большую площадь, где торговали тканями, и пробраться вдоль каменной стены, за которой располагались мастерские кожевников. Здесь воздух был наполнен такими резкими запахами, что даже Хунто, обычно не упускавший возможности высказать собственное мнение, предпочёл некоторое время помолчать.

Лира двигалась осторожно, стараясь не покидать тени стен и при каждой возможности пользуясь водосточными канавками. Хунто же то и дело останавливался, чтобы рассмотреть что-нибудь необычное.

В одном из переулков его внимание привлёк большой медный сосуд, стоявший возле лавки. На его блестящей поверхности отражались дома, прохожие и кусочек голубого неба. Хунто приблизился к сосуду и неожиданно увидел в нём чёрного хомяка.

Тот выглядел весьма внушительно.

— Лира, посмотри!

Мышка обернулась.

— Что?

— Какой интересный хомяк.

Лира подошла поближе и заглянула в медный бок сосуда.

— Это ты.

Хунто прищурился.

— Ты уверена?

— Совершенно.

Хунто повернул голову сначала влево, потом вправо, явно довольный увиденным.

— Всё-таки очень удачный ракурс, — заключил наконец Хунто.

К тому времени, как друзья добрались до караванного двора, солнце поднялось довольно высоко, и жара начала чувствоваться даже в тени. Открытая площадь была заполнена телегами, корзинами и тюками, а возле длинных каменных кормушек толпились ослы и мулы.

Для маленьких путешественников это место представляло собой необыкновенно опасный мир, в котором почти всё двигалось, грохотало или грозило обрушиться с высоты. Огромные колёса телег медленно перекатывались по камням, оставляя глубокие следы в пыли. Над головами раскачивались тяжёлые мешки, а человеческие ноги появлялись порой настолько неожиданно, что Хунто и Лире приходилось бросаться в ближайшую щель, не успевая даже разобраться, от кого именно они спасаются.

Зато еды здесь действительно было немало.

Возле кормушек валялись зёрна ячменя, из одного плохо завязанного мешка высыпалась пшеница, а под навесом, где хранились фрукты, можно было обнаружить кусочки сушёного инжира.

Хунто пришёл в восторг.

— Вот видишь! — заявил он. — Я же говорил, что нужно сюда прийти.

— Пока ты только говорил, что здесь есть еда, — заметила Лира. — Об этом мы и раньше знали.

— Зато теперь знаем точно.

Они устроились под телегой, нагруженной мешками, и стали наблюдать за происходящим. Хунто пытался определить, откуда удобнее всего подобраться к зерну, а Лира следила за передвижениями людей и животных.

Вскоре она обнаружила, что возле одной из кормушек постоянно дежурит крупный пёс, который, хотя и выглядел сонным, время от времени поднимал голову и внимательно осматривал двор.

— Туда лучше не ходить, — предупредила она.

— Я и не собирался.

— Ты уже три раза туда посмотрел.

— Я изучаю обстановку.

Лира промолчала.

У противоположной стены находилась небольшая крытая повозка, рядом с которой двое работников складывали корзины с фруктами. Одна из корзин стояла на земле немного в стороне от остальных, и сквозь её неплотно пригнанную крышку виднелись крупные спелые плоды инжира.

Хунто заметил их первым.

— Вот туда мы и пойдём.

Лира проследила за его взглядом.

— Зачем?

— Посмотрим, нельзя ли взять немного инжира.

— Там же люди.

— Они заняты.

— А если вернутся?

— Тогда уйдём.

Лира уже собиралась напомнить ему, что подобные рассуждения не всегда соответствуют действительности, но Хунто не стал дожидаться возражений. Он юркнул между камнями, перебежал через узкую полосу открытой земли и исчез под повозкой.

Пришлось последовать за ним.

Корзина оказалась значительно больше, чем выглядела издали. Её стенки были сплетены из толстых прутьев, а сверху лежала деревянная крышка, закреплённая верёвкой. Однако один из нижних прутьев немного отошёл в сторону, оставив узкую щель, через которую Хунто сумел протиснуться внутрь.

Он оказался среди крупных фиолетовых плодов, от которых исходил сладкий, почти приторный запах. Некоторые фиги были мягкими и слегка помятыми, другие сохраняли упругость и выглядели настолько аппетитно, что Хунто на мгновение забыл обо всех своих первоначальных намерениях.

Он осторожно надкусил ближайший плод.

Вкус оказался превосходным.

— Лира! — позвал он. — Иди сюда!

Мышка заглянула в щель.

— Что ты делаешь?

— Пробую.

— Мы же собирались посмотреть, где можно добыть еду для остальных.

— Вот я и смотрю.

— Зубами?

— Так надёжнее.

Лира вздохнула, но всё же протиснулась внутрь. Она признала, что фрукты действительно хороши, хотя и заметила, что унести их домой будет весьма затруднительно.

— Почему? — удивился Хунто.

— Ты видел их размер?

— Можно откусить кусочки.

— И сколько раз придётся возвращаться?

Хунто оглядел содержимое корзины. Вопрос оказался весьма разумным.

Он уже начал размышлять, нельзя ли воспользоваться каким-нибудь волокном от плетения, чтобы переносить фрукты небольшими связками, когда снаружи послышались шаги.

Лира насторожилась.

— Хунто!

Он обернулся.

В следующую секунду корзина вздрогнула.

Две огромные человеческие руки обхватили её с боков, подняли с земли и понесли к повозке.

Лира бросилась к щели, но не успела добраться до выхода. Корзину поставили на другие тюки, сверху уложили тяжёлый мешок, и её содержимое снова содрогнулось от удара.

Хунто потерял равновесие и кубарем скатился между фруктами.

— Что происходит?! — воскликнул он.

— Нас погрузили!

— Куда?

— На повозку!

Корзина снова качнулась, а затем раздался громкий окрик погонщика. Где-то совсем рядом зазвенели колокольчики. Повозка тронулась.

Хунто и Лира с трудом удержались на ногах, когда колёса подпрыгнули на неровных камнях. Несколько фиг перекатились к противоположной стенке, придавив Хунто так, что он на некоторое время исчез из виду.

Лира бросилась ему на помощь.

— Ты цел?

Из-под фруктов показалась чёрная мордочка.

— Вполне.

— Нужно выбираться!

— Сейчас.

Хунто протиснулся к знакомой щели и попытался выглянуть наружу, но корзину поставили вплотную к другой поклаже, а свободное пространство между ними оказалось настолько узким, что выбраться было невозможно.

Он попробовал сдвинуть прут.

Затем ещё один.

Ничего не вышло.

— Ну? — спросила Лира.

— Надо немного подождать.

— Чего?

— Пока остановимся.

Лира посмотрела на него с выражением крайнего неодобрения.

— Ты ведь обещал вернуться до обеда.

— Мы ещё успеем.

Впрочем, уверенности в его голосе заметно поубавилось.

Повозка продолжала двигаться, а вместе с ней двигалась и вся огромная вереница животных, телег и людей, направлявшаяся к западным воротам города.

Караван отправлялся в путь.

К вечеру стало ясно, что вернуться домой до обеда не получится. Более того, существовали серьёзные основания сомневаться, что это удастся сделать даже к ужину.

После нескольких часов непрерывной тряски повозка наконец остановилась. Хунто осторожно выглянул через плетение и обнаружил, что вместо городских домов вокруг простирается каменистая равнина, пересечённая сухими руслами ручьёв и невысокими холмами.

Города нигде не было видно.

Лира сидела возле стенки корзины, отвернувшись от Хунто. Он несколько раз собирался заговорить, но не находил подходящих слов. Наконец осторожно произнёс:

— Зато теперь мы знаем, куда отправляются эти повозки.

Мышка не ответила.

— Наверное, недалеко, — продолжил он. — Люди ведь постоянно ездят из одного города в другой.

Лира подняла голову.

— Ты слышал, что говорил Ремо?

— Когда?

— Вчера. Про караван, который отправляется к морю.

Хунто задумался. Он действительно помнил этот разговор.

— Ну да.

— А теперь посмотри, где мы находимся.

Хунто снова выглянул наружу.

Вдалеке, на фоне вечернего неба, тянулась длинная вереница верблюдов. Люди разводили костры, распрягали животных и расстилали на земле широкие покрывала. Откуда-то доносился запах готовящейся пищи.

— Думаешь, это тот самый караван? — осторожно спросил он.

— А ты знаешь здесь другой?

Хунто решил, что сейчас не самое подходящее время для споров.

Ночью, когда всё затихло, Хунто заметил, что от дорожной тряски тяжёлый мешок немного сдвинулся, а крышка корзины приподнялась с одного края. Друзья протиснулись в образовавшуюся щель, добрались до влажного шва дорожного бурдюка и напились воды, медленно проступавшей сквозь старую кожу. Однако спуститься с повозки оказалось гораздо сложнее. Под колёсами спали две собаки, а неподалёку дежурил погонщик, который то и дело поднимался и обходил стоянку.

— Можно подождать, пока собаки уйдут, — предложил Хунто.

— А потом?

— Спустимся.

— И куда пойдём?

Он посмотрел в темноту.

Дорога, по которой пришёл караван, терялась среди бесчисленных камней и невысоких холмов. Ночью здесь было холоднее, чем в городе, а издалека доносились незнакомые звериные голоса.

Хунто привык ориентироваться по запахам, щелям между стенами и приметным камням. Здесь не было ничего знакомого, а возвращаться пешком через неизвестную местность представлялось затеей гораздо более опасной, чем продолжать путешествие вместе с людьми.

Он неохотно признал, что лучше остаться на повозке.

Лира согласилась.

Они вернулись в корзину и устроились между фруктами, стараясь выбрать место, где их не придавит при следующем толчке.

Некоторое время оба молчали.

— Лира, — произнёс наконец Хунто.

— Что?

— Прости, что мы сюда попали.

Мышь повернула к нему голову.

— Ты ведь не специально.

— Конечно, не специально!

— Но ты мог послушать меня, когда я предупредила, что люди могут вернуться.

Хунто хотел возразить, однако вовремя вспомнил, что именно так всё и произошло.

— Мог, — признал он.

Лира немного помолчала.

— Главное, теперь добраться до места, где можно безопасно вернуться домой.

— Доберёмся, — уверенно ответил Хунто.

Но на этот раз он не добавил, что всё предусмотрел.

Дорога к морю заняла несколько дней.

Караван двигался через сухие холмы, плодородные долины и небольшие селения, где путники останавливались пополнить запасы воды. Иногда они проходили по узким каменистым дорогам, на которых колёса повозок скрипели так громко, что Хунто начинал опасаться за их сохранность. В другое время путь пролегал вдоль садов и полей, где среди высокой травы можно было заметить мелких птиц, ящериц и множество других существ, совершенно не интересовавшихся судьбой двух маленьких путешественников.

Днём друзья прятались среди фруктов, а по ночам, когда караван останавливался, осторожно выбирались наружу. Им удавалось находить воду возле бурдюков и поилок, а однажды Лира обнаружила несколько рассыпанных зёрен возле кормушки для мулов.

Хунто счёл это необыкновенно приятным открытием. Он вообще находил путешествие весьма интересным, хотя предпочитал не говорить об этом слишком часто, чтобы не раздражать Лиру.

Особенно ему понравились горы. Они поднимались над дорогой огромными каменными громадами, покрытыми редкими деревьями и кустарниками. Иногда облака цеплялись за вершины, а между скалами открывались такие глубокие ущелья, что Хунто старался не смотреть вниз, если повозка проходила слишком близко к краю.

Лира же больше всего любила вечерние остановки, когда можно было спокойно поесть, отдохнуть и хотя бы ненадолго забыть о непрерывной тряске.

На четвёртую ночь они устроились возле отверстия в плетении и долго смотрели на звёзды.

— Как думаешь, дома нас уже ищут? — спросила Лира.

Хунто почувствовал неприятный укол в груди.

— Наверное.

— Мама будет волноваться.

— Моя тоже.

Они немного помолчали.

— Как только доберёмся до моря, — сказал Хунто, — найдём караван, который отправляется обратно.

— А если таких не будет?

— Будут. Люди ведь не могут всё время ездить только в одну сторону.

Лира признала, что в этом рассуждении есть определённый смысл.

— Только давай больше не залезать в чужие корзины, — попросила она.

— Договорились.

Хунто немного подумал.

— По крайней мере, в те, которые собираются куда-нибудь увезти.

— Хунто!

— Хорошо, хорошо. Ни в какие.

Лира удовлетворённо кивнула.

А утром они впервые почувствовали запах моря.

Александретта показалась из-за невысоких холмов, когда солнце уже поднялось над заливом. Сначала Хунто увидел лишь множество светлых домов, сгрудившихся возле воды, затем — длинную каменную стену, деревянные причалы и высокие мачты кораблей, которые издалека напоминали странный лес без листьев.

Но всё это было ничтожно по сравнению с морем.

Оно простиралось до самого горизонта, мерцая под утренним солнцем бесчисленными серебристыми бликами. Волны медленно накатывали на берег, разбивались о камни и отступали, оставляя за собой широкие полосы мокрого песка. Над водой кружили чайки, а в воздухе чувствовался сильный солоноватый запах, совершенно непохожий на всё, к чему привыкли обитатели Алеппо.

Хунто долго смотрел на открывшуюся картину. Он слышал рассказы о море, но прежде представлял себе нечто вроде очень большого пруда. Теперь становилось ясно, что рассказчики значительно недооценивали размеры этого водоёма.

— Лира, — произнёс он наконец, — ты только посмотри.

Мышка выглянула из корзины и замерла, увидев море.

— Красиво, — согласилась она.

— Видишь корабли?

— Вижу.

— Они действительно плавают!

Лира повернулась к нему.

— Ты думал, люди их просто так строят посреди воды?

— Я не был уверен, что они не тонут.

— Ну теперь видишь.

Хунто с уважением посмотрел на ближайший корабль. Тот был настолько велик, что его деревянный борт возвышался над водой целой стеной, а мачты уходили куда-то высоко в небо.

— Интересно, как они держатся на воде, — задумчиво произнёс он.

Лира, которая тоже не имела об этом ни малейшего представления, благоразумно промолчала.

Караван въехал на просторную площадь возле гавани, где уже толпились купцы, грузчики и моряки. Одни товары переносили на склады, другие перегружали на корабли, а третьи оставляли возле причалов в ожидании покупателей. Корзину с инжиром сняли с повозки и поставили под навесом рядом с несколькими большими тюками.

Хунто немедленно принялся искать выход. На этот раз ему повезло: один из прутьев в нижней части корзины немного ослаб от долгой дороги, и после нескольких минут упорной работы друзья сумели раздвинуть плетение настолько, чтобы протиснуться наружу.

Оказавшись на твёрдой земле, Лира первым делом осмотрелась.

— Нужно найти обратный караван.

— Конечно, — согласился Хунто.

Однако взгляд его по-прежнему был прикован к огромным кораблям.

— Может быть, сначала немного посмотрим на гавань?

Лира прищурилась.

— Ты обещал, что мы сразу отправимся домой.

— Я обещал найти дорогу домой. А для этого нужно разобраться, где мы находимся.

— Мы на пристани.

— Вот именно. Но пристань большая.

Он показал лапой в сторону моря.

— Мы ведь можем больше никогда сюда не попасть.

Лира не могла не признать справедливость последнего замечания. Ей и самой хотелось посмотреть на корабли поближе, хотя она старалась этого не показывать.

— Только недолго, — предупредила она.

— Разумеется.

И они отправились к причалам.

Вблизи гавань оказалась ещё более удивительным местом, чем издалека. Над водой нависали тяжёлые деревянные сооружения, по которым люди переносили грузы. Между причалами тянулись толстые канаты, покрытые смолой и солью, а возле складов громоздились бочки, мешки, корзины и огромные свёртки парусины.

Хунто впервые увидел настоящий корабельный якорь. Он лежал возле стены, тяжёлый и чёрный, с изогнутыми железными лапами, каждая из которых была значительно больше самого хомяка.

— И зачем им такая штука? — спросил он.

— Чтобы корабль не уплыл, — ответила Лира.

— Ты уверена?

— Так говорили мыши на караванном дворе.

Хунто обошёл якорь, внимательно осматривая его со всех сторон.

— В таком случае вещь чрезвычайно полезная. Только таскать неудобно.

Лира согласилась.

Они продолжили путь вдоль стены большого склада, где несколько работников готовили товары к погрузке. У входа лежали свёрнутые полотнища плотной парусины, которыми накрывали грузы от солнца и дождя. Одно из полотнищ было закреплено на деревянной перекладине над открытой площадкой, а его свободный край удерживала тонкая верёвка.

Чуть дальше к причалу была приставлена широкая сходня, ведущая на палубу корабля. Хунто остановился, заворожённо разглядывая судно.

Вблизи оно производило совершенно невероятное впечатление. Огромный деревянный борт поднимался над водой, словно крепостная стена, а над палубой возвышались мачты, окружённые целой паутиной канатов. Между ними сновали моряки, и каждый, казалось, был занят каким-то особенным делом, совершенно непонятным для постороннего наблюдателя.

— Представляешь, сколько здесь всего можно исследовать? — прошептал Хунто.

Лира посмотрела на него с подозрением.

— Мы не будем исследовать корабль.

— Я и не предлагаю.

— Ты уже придумал, как туда забраться?

Хунто немного помолчал.

— Пока нет.

Лира решительно повернулась к складу.

— Тогда пойдём обратно.

Но в этот момент из-за большой бочки раздался низкий, протяжный звук.

Мяуканье.

Оба замерли.

На сложенном в несколько колец корабельном канате, освещённом солнцем, лежал огромный рыжий кот.

Его густая шерсть местами была испачкана смолой, одно ухо украшала старая выщербина, а длинный хвост лениво свисал с края каната. Кот выглядел совершенно довольным жизнью и, судя по всему, не собирался покидать своё удобное место. Во всяком случае, так могло показаться всякому, кто недостаточно хорошо разбирался в кошачьих привычках.

Лира сразу заметила, что уши хищника время от времени поворачиваются в их сторону.

— Хунто, уходим, — прошептала она.

— Он спит.

— Нет.

— Глаза закрыты.

— Уши двигаются.

Хунто пригляделся. Лира была права.

Кот приоткрыл один глаз. Его взгляд остановился на маленьких фигурках возле стены. Несколько мгновений никто не шевелился.

Затем кот медленно поднял голову.

С палубы корабля раздался человеческий голос:

— Бруно!

Рыжий хищник повернул ухо, но не двинулся с места.

— Бруно, сюда!

Кот лениво потянулся. А потом посмотрел прямо на Хунто. В выражении его морды появилось нечто такое, что заставило маленького путешественника немедленно пожалеть о своём желании осмотреть гавань.

— Лира, — тихо произнёс он.

— Что?

— Кажется, ты была права.

Это признание прозвучало настолько неожиданно, что при других обстоятельствах Лира непременно потребовала бы повторить его.

Но обстоятельства были неподходящими.

Бруно поднялся.

Они бросились бежать одновременно.

Хунто нырнул под край большой корзины, Лира метнулась к стоявшим у стены ящикам, а рыжий кот одним прыжком оказался там, где они только что стояли.

Его когти царапнули камни.

Хунто услышал тяжёлое дыхание хищника и почувствовал резкий запах кошачьей шерсти. Сердце колотилось так сильно, что ему казалось, будто его слышно через всю гавань.

Он осторожно выглянул из-под корзины.

Бруно стоял возле ящиков и внимательно прислушивался.

Лиры нигде не было видно.

— Лира! — едва слышно позвал Хунто.

Ответа не последовало.

Кот повернул голову.

Хунто немедленно спрятался.

Секунды тянулись невыносимо медленно.

Наконец со стороны ящиков донёсся тихий шорох, и Хунто увидел серую мордочку, показавшуюся из узкой щели между двумя деревянными ящиками.

Лира была жива.

Но выбраться не могла.

Один из ящиков стоял вплотную к каменной стене причала, а другой был придвинут к нему так близко, что образовал узкий тупик. Лира успела проскользнуть внутрь, однако Бруно расположился прямо перед единственным выходом.

Кот прекрасно понимал положение своей добычи.

Он не торопился.

Сначала осторожно просунул лапу между ящиками, затем попробовал достать мышь с другой стороны. Лира отскакивала от когтей, но пространства оставалось слишком мало, чтобы долго уклоняться.

Хунто в ужасе наблюдал за происходящим.

Он мог бы убежать.

От его корзины вдоль стены тянулась узкая щель, которая наверняка вела к безопасному месту за складом. Достаточно было проскользнуть туда, и Бруно не сумел бы его достать.

Но Лира оставалась между ящиками.

Хунто высунулся немного дальше.

Кот снова попытался достать её лапой.

Лира вскрикнула.

Хунто отступил, оглядываясь в поисках чего-нибудь, что могло бы отвлечь хищника. Рядом не было ничего подходящего: несколько камней, обрывок верёвки, щепки и толстая деревянная перекладина, на которой висел свёрнутый навес.

Впрочем, именно навес привлёк его внимание. Хунто поднял голову.

Над площадкой было закреплено большое полотнище плотной парусины, свёрнутое в длинный тяжёлый рулон. Его удерживала тонкая верёвка, завязанная возле деревянного столба. Стоило освободить узел, и полотно должно было развернуться, закрыв часть груза от солнца.

Хунто вспомнил, как совсем недавно наблюдал за моряками, натягивавшими подобный навес над соседним причалом.

Он посмотрел на верёвку.

Потом на Бруно.

Кот по-прежнему сидел возле ящиков.

— Лира! — тихо позвал Хунто.

Мышь повернула к нему голову.

— Что?

— Когда я скажу, беги к кораблю!

— Куда?!

— По сходне! Там можно спрятаться!

— Хунто, он меня схватит!

— Только дождись моего сигнала!

Лира хотела что-то ответить, но Бруно снова просунул лапу между ящиками, и ей пришлось отскочить в сторону.

Хунто бросился к столбу. До верёвки оставалось совсем немного, однако между ним и столбом лежала открытая полоса каменных плит. Бруно мог заметить его в любой момент.

Хунто затаил дыхание, дождался, пока кот снова потянется к Лире, и метнулся через площадку.

Он добрался до столба, вцепился коготками в грубую древесину и начал карабкаться вверх. Верёвка была закреплена совсем невысоко по человеческим меркам, но для хомяка подъём оказался довольно трудным. Древесина местами растрескалась, лапы скользили по гладким участкам, а из-под когтей то и дело сыпались мелкие щепки.

Наконец Хунто добрался до узла. Он осторожно попробовал верёвку зубами.

Шнур оказался толстым, жёстким и пропитанным смолой. Перегрызть его быстро было невозможно, но возле самого узла торчал тонкий конец, которым удерживалась последняя петля.

Хунто ухватился за него.

Потянул.

Ничего.

Он попробовал ещё раз, упираясь задними лапами в деревянный выступ.

Узел немного ослаб.

Снизу донёсся голос Лиры:

— Хунто!

Он посмотрел вниз.

Бруно уже просунул голову между ящиками, пытаясь дотянуться до мыши. Лире пришлось вжаться в самый дальний угол, и теперь кот находился всего в нескольких сантиметрах от неё.

Хунто снова вцепился зубами в верёвку.

Он тянул её изо всех сил, стараясь не думать о том, насколько высоко забрался и что произойдёт, если узел внезапно развяжется.

Последняя петля соскользнула.

Верёвка вырвалась из его зубов.

Наверху что-то громко треснуло.

Свёрнутое полотнище тяжело качнулось и начало разворачиваться.

— Лира, беги!

Огромный кусок парусины с шумом обрушился на площадку, накрыв ящики, часть канатов и самого Бруно. Кот успел отскочить, но плотная ткань всё же задела его по спине и на мгновение скрыла из виду.

Раздалось яростное шипение.

Лира выскочила из своего укрытия.

Хунто спрыгнул со столба на нижнюю перекладину, затем на сложенные у стены мешки и бросился ей навстречу.

— Сюда!

Они побежали вдоль причала.

Позади слышалось возмущённое мяуканье Бруно, который пытался выбраться из-под тяжёлого полотна. Впрочем, кот не принадлежал к существам, которых можно надолго задержать подобным способом, и Хунто прекрасно понимал, что выиграл лишь несколько мгновений.

Дорога к складу оказалась перекрыта упавшим навесом. Впереди оставалась только широкая сходня, ведущая на корабль. Хунто не колебался.

— На корабль!

Лира последовала за ним.

Они взбежали по наклонным доскам, проскользнули между ногами матроса, занятого переноской последнего тюка, и оказались на деревянной палубе.

Здесь было шумно и совершенно незнакомо. Огромные человеческие ноги сновали между бочками, над головой скрипели канаты, а откуда-то снизу доносился глухой стук тяжёлых предметов.

Хунто заметил узкую щель за сложенными ящиками и потянул Лиру туда. Они едва успели спрятаться, когда позади раздалось знакомое мяуканье.

Бруно выбрался из-под навеса.

Рыжий кот взбежал по сходне и одним прыжком оказался на палубе. Он остановился, огляделся и принюхался.

Хунто прижался к стенке ящика.

Лира дрожала.

Бруно медленно обходил ящики, принюхиваясь к каждой щели. Хунто слышал, как его когти постукивают по деревянному настилу, и боялся даже пошевелить усами. Один раз он подошёл настолько близко, что Хунто увидел длинные белые усы, появившиеся из-за края деревянной доски.

Затем сверху раздался резкий человеческий окрик.

Бруно поднял голову.

Один из моряков подхватил кота на руки, что-то недовольно сказал ему и унёс в сторону кормы.

Хунто облегчённо выдохнул.

— Кажется, ушёл, — прошептал он.

Лира осторожно выглянула из укрытия.

— Унесли. Пока что.

Они некоторое время прислушивались к звукам палубы.

Потом Лира повернулась к Хунто.

— Спасибо.

Он пожал плечами, стараясь придать своему виду как можно больше беззаботности.

— Пустяки.

— Ты ведь мог убежать.

Хунто посмотрел на неё.

— А тебя оставить?

Лира ничего не ответила. Он не стал продолжать разговор, поскольку считал вопрос совершенно очевидным.

Когда опасность немного отступила, друзья решили, что пора возвращаться на пристань. Хунто осторожно выбрался из-за ящиков и посмотрел в сторону сходни.

Её не было.

Он поморгал. Затем посмотрел ещё раз.

Широкий деревянный настил, по которому они только что поднялись на корабль, теперь медленно поднимали несколько матросов. Толстые канаты натягивались, огромные деревянные блоки скрипели, а у борта уже суетились люди, отвязывавшие причальные концы.

Хунто почувствовал неприятный холодок.

— Лира…

— Что?

— Кажется, у нас небольшая неприятность.

Мышка подошла ближе.

— Какая?

Он показал лапой на пустое пространство между кораблём и пристанью.

Лира замерла.

— Где сходня?

— Её убрали.

— Зачем?!

— Наверное, чтобы никто больше не поднимался.

Она посмотрела на Хунто.

— И как мы теперь спустимся?

Хунто оглядел борт.

До причала было несколько человеческих шагов, но для маленького зверька расстояние казалось огромным. Внизу плескалась вода, а толстые канаты, соединявшие корабль с берегом, уже один за другим исчезали из виду.

— Может быть, по верёвке, — неуверенно предложил он.

В этот момент последний причальный конец освободили, и корабль медленно отдалился от каменной стены.

Лира посмотрела на расширяющуюся полосу воды.

Потом на Хунто.

— Мы отплываем?

Он не ответил.

Сверху раздались громкие команды, матросы принялись выбирать снасти, а огромные паруса, до сих пор висевшие неподвижно, начали постепенно наполняться ветром.

Корабль вышел из гавани.

Хунто и Лира сидели за ящиками, не произнося ни слова. Берег медленно удалялся. Каменные стены пристани становились всё меньше, деревянные склады сливались в одну тёмную полосу, а высокие мачты других кораблей постепенно исчезали за поворотом берега.

Впереди простиралось море.

Совсем недавно Хунто восхищался его размерами, находя необыкновенно интересной мысль о том, что где-то за горизонтом существуют другие страны и города.

Теперь эти размеры казались ему несколько избыточными.

Он осторожно посмотрел на Лиру. Та сидела, опустив голову, и смотрела на свои лапки.

— Мы вернёмся, — сказал Хунто.

Лира подняла на него глаза.

— Откуда ты знаешь?

Он помолчал.

— Корабли ведь возвращаются обратно.

— Не все.

— Этот вернётся.

— Ты не знаешь.

Хунто хотел возразить, но понял, что Лира права. Он действительно ничего не знал ни об этом корабле, ни о его капитане, ни о том, куда они направляются. А ведь всего несколько дней назад он собирался вернуться домой к обеду. Теперь между ним и родным городом лежали горы, долины и огромное расстояние, которое продолжало увеличиваться с каждой минутой.

Хунто вдруг очень ясно представил себе мать, сидящую возле гранатового дерева. Наверняка она уже расспросила всех соседей, обошла сад и несколько раз проверила его новую кладовую, надеясь обнаружить сына за привычным занятием.

В кладовой по-прежнему лежали девять пшеничных зёрен. Он впервые в жизни обнаружил, что совершенно не испытывает желания их пересчитывать.

Лира тихо вздохнула.

— Моя мама тоже будет волноваться.

Хунто опустил голову.

— Я знаю.

Некоторое время они молчали, слушая скрип корабельных досок и плеск воды за бортом.

Потом Хунто поднялся.

— Нужно найти безопасное место, — сказал он. — И посмотреть, нет ли здесь других мышей.

Лира удивлённо взглянула на него.

— Зачем?

— Они могут знать, куда плывёт корабль. И где здесь можно достать еду и воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.